

Машина прибыла в замок в Кембридже. Вся территория занимала 60 акров. Средневековый дизайн, испытавший течение времени, лишь приобрёл особый шарм, повсюду чувствовалась сдержанная роскошь.

Ему действительно были не нужны эти деньги за рекламу.

Су Ланьцяо, обойдя заросли деревьев, большими шагами направился в сад. Взгляд его сразу упал на рабочих с лопатами.

— Попробуйте только тронуть ещё раз, — холодным голосом, отчеканивая каждое слово, произнёс он.

— А я уже думал, ты в этом году не вернёшься, — лениво облокотившись на дерево, Алан деланно улыбнулся и раскрыл объятия. — Давно не виделись. Не обнимешься?

Су Ланьцяо холодно поднял на него глаза, в голосе не осталось и капли тепла.

— Хватит притворяться. Чем тебе помешала эта могила?

— Дом красивый, красивый, но каждый раз, когда у меня плохое настроение и я прихожу сюда погулять, мне почему-то становится жутковато, — Алан вжал голову в плечи, изображая испуг. — Ты же знаешь, я трусливый. Я боюсь... привидений.

Несколько рабочих с лопатами грубо рассмеялись.

Всё так и было. Всегда так. В этом доме никто по-настоящему не уважал его мать.

Такой мягкий человек при жизни жил несладко, а после смерти не обрёл покоя.

Су Ланьцяо тихо подошёл, стёр пыль с надгробия, обнажив два иероглифа: «Су Юнь». Они резко контрастировали с окружающими их витиеватыми английскими буквами.

На фотографии женщина улыбалась, словно цветок, застыв в вечной молодости.

У этого парня Алана наглости хватало только на слова. Он лишь размахивал лопатой, пропалывая сорняки, и заодно унижал его, не осмеливаясь устроить реальный скандал.

Су Ланьцяо какое-то время смотрел на фотографию, затем медленно проговорил:

— Когда-нибудь у меня будет возможность забрать её в Китай. Но даже если эта могила будет пуста, она останется здесь. Никто не смеет её трогать.

— Виноват Райан, слишком много болтает, — нахмурился Алан, его лондонский акцент звучал крайне наигранно. — Так сколько дней ты на этот раз собираешься пробыть?

— Не твоё дело, деревенщина, — приподнял бровь Су Ланьцяо.

Прядь волос слегка упала ему на лоб, во взгляде красивых глаз читалось лишь презрение.

Проведя несколько лет в Чэнду, он усвоил всё, что нужно.

— Что это значит? Ты опять ругаешь меня по-китайски? — Алан сделал шаг вперёд, упёршись ему в плечо. Всё его лицо исказилось, голос изменился. — Знаешь, может, мне стоит нанять переводчика с китайского, который будет ходить за мной по пятам?

Су Ланьцяо усмехнулся, его красивое лицо выражало дерзость, и он тихо произнёс ещё одну фразу:

— Головой тронулся.

Даже ругаясь, его тон оставался ленивым и приятным на слух.

Он развернулся и зашагал к парадному входу.

— Прибери сорняки вокруг могилы. Если я буду в хорошем настроении, может, поделю с тобой половиной доли в компании.

Это попало в самое больное место Алана.

Их отец сейчас лежит в реанимации, его жизнь висит на волоске. Завещания он не оставил, но по обычаю компания и дом должны перейти старшему сыну.

Сейчас Алан с матерью мечутся как угорелые, пытаются всеми правдами и неправдами повлиять на завещание.

Су Ланьцяо стёр с лица все эмоции, его выражение стало холодным.

К этой грязной возне вокруг наследства у него не было ни малейшего интереса.

—

Отдохнув несколько дней дома, Су Ланьцяо наконец почувствовал, что боль в теле после той ночи немного утихла.

Корпорация Чу действовала быстро. Фотосессия, сделанная недавно, уже пару дней как обновлена на всех крупных платформах. Свежее лицо мгновенно стало часто мелькать перед глазами пользователей сети.

Су Ланьцяо пролистал комментарии на официальном аккаунте линии нижнего белья Truth корпорации Чу. Большинство были хвалебными, однотипными.

Он изначально стал моделью просто чтобы убить время, не ожидая, что на этот раз ему повезёт столкнуться с Чу Чэном.

Но с тех пор, как он велел Юэ Си вернуть деньги, с той стороны не было ни звука.

Уже прошло почти полмесяца. Неужели Чу Чэн уже закрыл эту тему?

Су Ланьцяо подумал: что и говорить, он всё-таки господин Чу, повидал виды, умеет держать себя в руках.

Он снова просмотрел на телефоне последние репортажи о Чу Чэне и, рассеянно бродя, незаметно для себя дошёл до Кембриджа — альма-матер Чу Чэна.

Ещё в старших классах он иногда прогуливал уроки и тайком пробирался в Кембридж. Иногда Чу Чэн играл в мяч, иногда был на занятиях, чаще же всего он одиноко и без эмоций сидел в библиотеке и читал.

Раньше он мечтал поступить в тот же университет, что и Чу Чэн, оказаться в одном месте,

пересечься, и, возможно, что-то из этого разовьётся.

Но между ними лежала пропасть в пять лет. Он не успел, а Чу Чэн уже вернулся в страну, чтобы унаследовать компанию.

Вечно чего-то не хватало.

Су Ланьцяо прислонился к дереву, его мысли разбрелись. Телефон в кармане вибрировал довольно долго, прежде чем он опомнился, достал его и ответил.

— Здравствуйте, это Лин Фэн, ассистент господина Чу. Мы встречались ранее, — представился голос на том конце провода.

Тусклые глаза Су Ланьцяо загорелись. Вот он, пришёл, не выдержал, всё-таки нашёл, — подумал он, но внешне сохранил спокойный тон.

— Помню. Что случилось?

— В последнее время ваша реклама запущена, отклик хороший, продажи тоже выросли. Так почему вы не взяли оплату за рекламу? — Лин Фэн был просто передатчиком, особенно, зная подоплёку, ему было неловко.

Он взглянул на сидящего в кожаном кресле Чу Чэна и невольно добавил от себя:

— Раз дают, берите, чего тут ломаться?

Су Ланьцяо рассмеялся. Уже полмесяца прошло, а он всё переживает из-за этого.

— Я оставил господину Чу записку, он всё понял.

Телефон был на громкой связи. Услышав это, Лин Фэн чуть не прикусил язык, сердце его бешено заколотилось.

Этот мелкий полукровка ещё смеет вспоминать про записку! Из-за этих слов в тот день несколько отделов заставили работать свехурочно до глубокой ночи.

— У этого полукровка плохо с китайским, господин Чу, не обращайтесь внимания, — повернулся Лин Фэн, пытаясь сгладить ситуацию подобострастной улыбкой.

Чу Чэн прищурился, взял телефон с рабочего стола и подошёл к окну. Без предисловий спросил:

— Котёнок, что ты имеешь в виду?

Довольно долго не слышавший этот голос, Су Ланьцяо почувствовал, как его сердце ёкнуло от низкого, бархатного тембра, доносившегося из трубки. Уши его невольно покраснели.

— Господин Чу, вы тоже здесь.

— Угу. Жду объяснений, — прислонившись к оконному проёму, Чу Чэн закурил сигарету и провёл пальцем по почти исчезнувшим красным отметинам на шее.

Он действительно затаил на это обиду и был намерен привязать этого дикого котёнка обратно и проучить как следует.

Уголки губ Су Ланьцяо неудержимо поползли вверх. Что тут объяснять? Просто небольшая уловка, чтобы привлечь твоё внимание. Но вслух он сказал совсем другое:

— Та ночь и правда была прекрасной. Выражение благодарности деньгами — разве не самый простой и прямой способ для вас, коммерсантов? Не поймите неправильно.

Чу Чэн фыркнул.

— Мне тоже понравилось, поэтому у меня есть свой способ отблагодарить тебя.

— Хорошо, говорите, — Су Ланьцяо нажал запись разговора.

Этот голос был слишком хорош, хотелось послушать его ещё раз.

Чёткий, весомый голос Чу Чэна раздался в трубке:

— Су Ланьцяо, когда вернёшься, станешь лицом линии нижнего белья Truth.

Сердце Су Ланьцяо забилося как бешеное, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

Прошло восемь лет, и наконец Чу Чэн узнал его имя, назвал его — Су Ланьцяо.

Су Ланьцяо не так давно стал моделью, больше для развлечения. У него не было контракта с агентством, раньше он через небольшую студию Юэ Си брал разовые заказы на рекламные съёмки. Они были друзьями, и с распределением доходов вопросов не возникало.

Когда весть о контракте на рекламу побочной линии Truth дошла до Юэ Си, он чуть не сошёл с ума от радости.

— Ты действительно делаешь мне честь. Контракт сразу на год, моя маленькая студия снова оживёт.

— Я тоже не ожидал, что он... — Су Ланьцяо запнулся и сменил обращение. — Что господин Чу внезапно делает такой ход.

— Значит, твой отказ от оплаты за рекламу был тактикой «притворись равнодушным, чтобы вызвать интерес»? Логику я не очень понимаю, но хитростей у тебя хоть отбавляй, — громкий смех Юэ Си буквально лился из трубки. — Так что ты обязательно должен вернуться! Я встречу тебя на восьмиместных носилках!

Су Ланьцяо тихо рассмеялся.

— Восьмиместные носилки? Ты что, свадьбу играешь? Я сначала хочу прах матери перевезти в Чэнду и там упокоить, а потом уже вернусь в Пекин.

— Ладно. А я-то думал, в этот раз ты уехал в Британию и не вернёшься, очень расстроился, — меланхолично вздохнул Юэ Си. — Знаешь, я считаю, будет жаль, если ты бросишь карьеру модели. Ты же видел комментарии в сети? Говорят, ты сбиваешь с толку всех живых существ, в древние времена из-за таких, как ты, начинались войны. Ты просто беда.